

КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУД КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

ОПРЕДЕЛЕНИЕ

о принятии к производству запроса судьи Верховного суда Кыргызской
Республики Барыктабасовой Эльмиры Бектургановны

21 сентября 2026 года

город Бишкек

Конституционный суд Кыргызской Республики в составе: председательствующего Осконбаева Э.Ж., судей Айдарбековой Ч.А., Бобукеевой М.Р., Жолдошевой Л.Ч., Касымалиева М.Ш., Кыдыралиевой Б.А., Кыдырбаева К.Дж., Шаршеналиева Ж.А., при секретаре Сейдахматовой В.М., руководствуясь частью 2 статьи 30 конституционного Закона «О Конституционном суде Кыргызской Республики», рассмотрел в судебном заседании запрос судьи Верховного суда Кыргызской Республики Барыктабасовой Эльмиры Бектургановны.

Заслушав сообщение судьи Кыдыралиевой Б.А., исследовав запрос судьи Верховного суда Кыргызской Республики и приложенные к нему материалы, Конституционный суд Кыргызской Республики

У С Т А Н О В И Л:

В Конституционный суд Кыргызской Республики 14 июля 2026 года поступил запрос судьи Верховного суда Кыргызской Республики Барыктабасовой Э.Б. о проверке соответствия положений статей 3, 5, 77 и 83 Закона Кыргызской Республики «О таможенном регулировании» (в редакции

от 24 апреля 2019 года № 52) в системной взаимосвязи с подпунктом 11 пункта 7 статьи 14, статьей 457 Таможенного кодекса Евразийского экономического союза (в редакции от 2018 года) (далее - ТК ЕАЭС) частям 3, 5 статьи 6, части 1 статьи 24, части 2 статьи 56 и части 1 статьи 61 Конституции Кыргызской Республики.

Оспариваемые положения регулируют действие таможенного законодательства во времени, исчисление установленных сроков и временные пределы взыскания таможенных платежей. В системной взаимосвязи с положениями ТК ЕАЭС они имеют значение для определения применимого регулирования, момента возникновения обязанности по уплате таможенных платежей и предельного срока реализации требования об их взыскании.

Основанием для обращения послужило рассмотрение в Верховном суде Кыргызской Республики гражданских дел по кассационным жалобам на судебные акты по искам Псковской таможни Федеральной таможенной службы Российской Федерации к гражданам Кыргызской Республики Мансурову (Эрматову) Д. и Мураталиеву С. Ч. о взыскании таможенных платежей и пеней в связи с невывозом временно ввезенных транспортных средств.

Как следует из запроса, транспортные средства были временно ввезены на таможенную территорию Таможенного союза в 2011 и 2013 годах. Сроки временного ввоза истекли соответственно 10 сентября 2011 года и 15 января 2014 года, однако факт их невывоза был установлен таможенным органом Российской Федерации лишь в 2024 году. После начисления таможенных платежей и направления соответствующих уведомлений Псковская таможня обратилась в суд Кыргызской Республики 11 апреля и 10 июня 2025 года. Таким образом, требования о взыскании были предъявлены спустя более десяти лет после истечения сроков временного ввоза.

При рассмотрении указанных дел у судьи возникли вопросы, связанные с применением таможенного регулирования к возникшим правоотношениям.

На момент ввоза транспортных средств действовал Таможенный кодекс Таможенного союза от 27 ноября 2009 года № 17, предусматривавший временный ввоз транспортных средств для личного пользования на срок не более одного года с освобождением от уплаты таможенных платежей при условии их последующего вывоза. Истечение установленного срока без вывоза влекло возникновение обязанности по уплате таможенных платежей.

С 1 января 2018 года вступил в силу ТК ЕАЭС. Статья 457 кодекса предусматривает сохранение действия правоотношений, возникших до вступления Кодекса в силу, если товары продолжают находиться под таможенным контролем, а пункт 5 данной статьи устанавливает особенности исполнения обязанности по уплате таможенных пошлин и налогов в отношении транспортных средств для личного пользования, возникшей до вступления Кодекса. Согласно положениям ТК ЕАЭС обязанность по уплате таможенных пошлин и налогов возникает по истечении установленного срока ввоза, а реализация права на их взыскание осуществляется в порядке и сроки, предусмотренные законодательством государства-члена. Исходя из этого, Псковская таможня, ссылаясь на законодательство Российской Федерации, считает, что транспортные средства продолжали находиться под таможенным контролем, а срок реализации требования о взыскании должен исчисляться с момента обнаружения факта их невывоза и оформления соответствующих документов.

По мнению судьи, такой подход разграничивает момент возникновения обязанности по уплате таможенных платежей и начало реализации требования об их взыскании, связывая последнее с обнаружением таможенным органом факта неисполнения обязанности. В результате возможность предъявления требования может зависеть от времени проведения контрольных мероприятий, что затрудняет определение предельных временных границ взыскания. Кроме того, применение последующего регулирования к ранее возникшим правоотношениям, при котором срок взыскания исчисляется не с момента возникновения

обязанности по уплате таможенных платежей, а с момента обнаружения ее неисполнения, может ухудшать положение лица и затрагивать требования правовой определенности и недопустимости обратного действия регулирования.

В обоснование запроса судья ссылается на предусмотренные соответствующими частями статей 6, 24, 56 и 61 Конституции Кыргызской Республики конституционные гарантии недопустимости обратной силы нормативного правового акта, устанавливающего новые обязанности или ухудшающего положение лица, недопустимости принятия законов, отменяющих или умаляющих права и свободы человека, а также судебной и равной защиты прав.

В запросе также приведены положения международных договоров и правовые подходы, основанные на требованиях правовой определенности, предсказуемости и доверия к закону.

На основании изложенного судья просит проверить конституционность оспариваемого нормативного регулирования во взаимосвязи с соответствующими положениями права Евразийского экономического союза.

Конституционный суд Кыргызской Республики, изучив запрос судьи Верховного суда Кыргызской Республики Барыктабасовой Э.Б., а также приложенные к нему материалы, приходит к следующим выводам.

1. Конституция Кыргызской Республики, закрепляя верховенство и прямое действие Конституции, одновременно устанавливает особый механизм, призванный исключить применение при отправлении правосудия нормативного правового акта, соответствие которого Основному Закону вызывает обоснованное сомнение суда.

В силу частей 1 и 2 статьи 102 Конституции суд не вправе применять нормативный правовой акт, противоречащий Конституции, а если при рассмотрении дела в любой судебной инстанции возникает вопрос о конституционности закона или иного нормативного правового акта, от

которого зависит разрешение данного дела, суд направляет запрос в Конституционный суд.

Закрепленный указанными положениями механизм представляет собой особую форму конкретного конституционного нормоконтроля, непосредственно включенную в процесс осуществления правосудия. Его назначение состоит в том, чтобы обеспечить разрешение конкретного дела на основе нормативного регулирования соответствующего Конституции, и одновременно воспрепятствовать сохранению в правовой системе нормы, применение которой способно повлечь нарушение конституционных предписаний.

В отличие от обращения физического или юридического лица, обусловленного необходимостью защиты принадлежащих ему конституционных прав и свобод, запрос суда не выражает частного интереса и не является самостоятельным способом обжалования нормативно-правового регулирования. Его возникновение предопределено самой функцией правосудия: суд, устанавливая фактические обстоятельства дела, определяя подлежащие применению нормы и разрешая возникший правовой спор, обязан исходить из верховенства Конституции и не может положить в основу судебного акта норму закона, в конституционности которого у него возникло обоснованное сомнение.

Следует особо отметить, что принцип непосредственного действия Конституции не означает наделения каждого суда полномочием окончательно разрешать вопрос о конституционности закона или иного нормативного правового акта с последствиями для правовой системы в целом. Такое полномочие в силу конституционного разграничения судебной компетенции принадлежит Конституционному суду. Поэтому возникновение у суда при рассмотрении конкретного дела конституционно значимого сомнения относительно нормы, от которой зависит его разрешение, обуславливает необходимость обращения к конституционному правосудию как к специально установленному Конституцией способу устранения такой неопределенности.

Тем самым направление судебного запроса обеспечивает функциональное взаимодействие суда, рассматривающего конкретное дело, и Конституционного суда при строгом разграничении принадлежащих им полномочий. Первый определяет фактические обстоятельства, юридическую природу спорных правоотношений, круг подлежащих применению норм и значение соответствующего нормативного предписания для разрешения находящегося в его производстве дела; второй разрешает поставленный перед ним вопрос о соответствии этого предписания Конституции и тем самым устраняет возникшее препятствие для дальнейшего осуществления правосудия на конституционно надлежащей нормативной основе.

Из этого следует, что допустимость судебного запроса определяется не наличием субъективной заинтересованности обращающегося суда и не самим по себе несогласием с содержанием законодательного регулирования, а существованием объективной связи между оспариваемым нормативным положением и разрешением конкретного дела. Такая связь имеет место, когда соответствующее положение подлежит применению при установленных судом обстоятельствах, способно непосредственно обусловить содержание принимаемого судебного акта и одновременно порождает вопрос конституционного характера, разрешение которого находится за пределами компетенции суда, рассматривающего дело по существу.

Следовательно, обращение суда в Конституционный суд предполагает не абстрактное сомнение в совершенстве законодательного регулирования, не необходимость устранения обычной нормативной коллизии или выбора одного из возможных вариантов толкования закона, а наличие конституционно значимой неопределенности относительно нормативного предписания, без разрешения которой дальнейшее рассмотрение конкретного дела и принятие по нему судебного решения на основе требований Конституции оказываются не возможным.

При решении вопроса о принятии такого запроса к производству Конституционный суд не предпринимает его по существу и не устанавливает

заранее соответствие либо несоответствие оспариваемого положения Конституции. На данной стадии подлежит установлению наличие необходимых предпосылок конкретного конституционного нормоконтроля: существование находящегося в производстве суда дела; применимость оспариваемой нормы к правоотношениям, составляющим его предмет; зависимость разрешения этого дела от действия соответствующего нормативного положения; а также наличие надлежащим образом мотивированного запроса о его соответствии Конституции, разрешение которого относится к компетенции Конституционного суда.

2. Как следует из запроса и представленных материалов, поставленный судьей Верховного суда Кыргызской Республики вопрос возник при рассмотрении гражданских дел о взыскании таможенных платежей и пеней в отношении транспортных средств, временно ввезенных в 2011 и 2013 годах, сроки временного ввоза которых истекли соответственно в 2011 и 2014 годах, тогда как факт их невывоза был установлен таможенным органом Российской Федерации в 2024 году, а требования о взыскании предъявлены в суд Кыргызской Республики в 2025 году.

Содержание запроса свидетельствует о том, что поставленный вопрос не сводится к определению нормы, подлежащей применению при разрешении конкретных гражданских дел, проверке законности действий таможенного органа либо оценке правильности применения законодательства.

Конституционно значимый вопрос заключается в том, обеспечивает ли оспариваемое нормативное регулирование определенность правового положения лица в ситуации, когда возникновение обязанности по уплате таможенных платежей связывается с истечением срока временного ввоза транспортного средства, а реализация требования об их взыскании - с более поздним моментом обнаружения таможенным органом факта неисполнения такой обязанности. Его разрешение требует оценки установленных нормативным регулированием временных границ взыскания с точки зрения

конституционных требований правовой определенности и предсказуемости правовых последствий, включая определенность момента начала исчисления соответствующего срока и его конечных временных пределов.

Самостоятельное конституционно-правовое значение имеет вопрос о допустимости применения последующего правового регулирования к ранее возникшим правоотношениям, если вследствие этого изменяются временные условия реализации обязанности по уплате таможенных платежей и возможно ухудшение положения лица. Разрешение данного вопроса предполагает оценку такого регулирования с точки зрения конституционных требований, касающихся действия нормативных правовых актов во времени, правовой определенности и недопустимости ухудшения положения лица вследствие обратного действия регулирования.

Таким образом, разрешение поставленных в запросе вопросов требует конституционно-правовой оценки оспариваемого регулирования и его влияния на правовое положение лица с учетом закрепленных Конституцией Кыргызской Республики гарантий прав и свобод человека, в частности вытекающих из частей 3 и 5 статьи 6, части 1 статьи 24, части 2 статьи 56 и части 1 статьи 61 Конституции Кыргызской Республики.

При этом наличие различных уровней правового регулирования - права Евразийского экономического союза и национального законодательства само по себе не свидетельствует о неконституционности оспариваемых положений. Конституционно значимым является вопрос о том, обеспечивает ли их системное взаимодействие ясное и предсказуемое определение действия соответствующих норм во времени, начала исчисления и конечных временных границ реализации права на взыскание таможенных платежей.

Положения законодательства Российской Федерации и ТК ЕАЭС учитываются при разрешении вопроса о принятии запроса к производству лишь в той мере, в какой они характеризуют правоприменительный подход и во взаимосвязи с оспариваемыми положениями законодательства Кыргызской Республики позволяют определить содержание поставленного

конституционно-правового вопроса. При этом проверка конституционности законодательства Российской Федерации, оценка правильности его применения таможенными органами и судами, а также самостоятельное толкование положений ТК ЕАЭС не относятся к компетенции Конституционного суда Кыргызской Республики.

С учетом изложенного, Конституционный суд приходит к выводу, что запрос судьи Верховного суда Кыргызской Республики Барыктабасовой Э.Б. по форме и содержанию отвечает требованиям статей 19, 21, 26, 27 и 28 конституционного Закона Кыргызской Республики «О Конституционном суде Кыргызской Республики», а указанные в нем доводы являются достаточными для констатации неопределенности в вопросе о соответствии оспариваемого нормативного регулирования указанным положениям Конституции Кыргызской Республики.

На основании вышеизложенного, руководствуясь частью 2 статьи 30 конституционного Закона «О Конституционном суде Кыргызской Республики», Конституционный суд Кыргызской Республики.

О П Р Е Д Е Л И Л:

1. Принять к производству запрос судьи Верховного суда Кыргызской Республики Барыктабасовой Э.Б. о проверке соответствия положений статей 3, 5, 77 и 83 Закона Кыргызской Республики «О таможенном регулировании» (в редакции от 24 апреля 2019 года № 52) в системной взаимосвязи с подпунктом 11 пункта 7 статьи 14, статьей 457 Таможенного кодекса Евразийского Экономического Союза (в редакции от 2018 года) частям 3, 5 статьи 6, части 1 статьи 24, части 2 статьи 56, части 1 статьи 61 Конституции Кыргызской Республики.

2. Настоящее Определение является окончательным, обжалованию не подлежит и вступает в силу с момента подписания.

**КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУД
КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ**